

загадочного обстоятельства следует искать в самом памятнике. Напомню его содержание. Написанная в типичной для нашего средневековья форме обличительного послания, первая, древнейшая из числа известных нам, редакция «Вопрошания» по основному содержанию своему представляет собою свод различных предписаний, регламентирующих поведение православного христианина греческого вероисповедания по отношению к представителям римско-католического вероучения, латинянам. Во вступительной части автор, припоминая заветы своего «правоверного» отца и матери «християны», советует не общаться с латинянами: ни «учения» их слушать, ни «обычая» их держаться, ни «комканья» их принимать, ни дочерей своих за них не выдавать, ни брататься с ними, ни есть и пить с ними из одного сосуда; далее автор подробно перечисляет все известные ему латинские «ереси»; путая существенное с несущественным, обрядовые отступления с догматическими; с истинно византийским изуверством нагромождая одну небылицу за другой, автор обвиняет латинян в двадцати с лишком «ересях»: и в субботу-то они постятся, и пищу-то вкушают вместе с псами и кошками, едят «мертвечину» и «хвост бобровый», веруют в исхождение духа святого и от сына, пьют собственную мочу, мертвецов своих ногами кладут на запад, кресту поклоняются, предварительно написав его на земле, крещающемуся сыплют соль в уста и т. п. Заканчивается послание призывом «блюстися» кривоверных и похвалой «единой чистой, честной и святой» православной восточных христиан вере. За отсутствием данных мы, полагаю, вправе предположить, что именно это, несколько «соблазнительное», содержание самого памятника и послужило основной причиной и тех сомнений в принадлежности его Феodosию Печерскому, которые возникали у сторонников второй гипотезы, и тех оговорок,¹ которые делались даже исследователями, сторонниками первой гипотезы, полное право полагать, что все упоминания Феодосия о его «правоверном» отце представляют собою не автобиографический экскурс, а литературный прием, использованный Феодосием, быть может, с целью снять с себя ответственность за некоторые положения своего публицистического памфлета, направленного, как увидим ниже, одним концом и против самого князя; во всяком случае, понимая, вслед за Е. Голубинским, эти упоминания об отце в буквальном смысле, мы принуждены были бы допустить, что Феодосий Печерский или Феодосий Грек, обладая феноменальной памятью, точно или почти точно воспроизвели все слышанное ими когда-то от своих отцов, т. е. допустить явный абсурд. Что касается голословного утверждения Е. Голубинского о том, что Феодосий Печерский будто бы не был знаком с обычаями и вероучением латинян, и его недоумения по поводу якобы несвойственного Феодосию резкого тона послания к князю Изяславу о латинянах, то всю необоснованность их, надеюсь, покажет дальнейшее изложение. Ср. Ф. Делекторский, *op. cit.*, стр. 71, прим. 4.

¹ «Что касается до ответа пр. Феодосия на вопрос В. К. Изяслава о вере варяжской, — писал, например, еп. Филарет, — то ответ сей в том виде, в каком он известен по рукописям, не был писан пр. Феодосием: это видно из его содержания. . . Таким образом остается поло-